

ГОМБОДЖАБ ЦЫБИКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БУДДИЗМА (К 120-ЛЕТИЮ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА)

Орлова Кеемя Владимировна,
*д.и.н., вед. научный сотрудник отдела Кореи и Монголии
Института востоковедения РАН, г. Москва,
участник Первого Международного симпозиума
учёных-востоковедов памяти Г. Ц. Цыбикова,
проходившего на базе НБ ДВФУ,
г. Владивосток*

Институт востоковедения РАН подготовил совместно с Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН (сейчас это Калмыцкий научный центр РАН) книги, которые мы передали в дар Восточному институту ДВФУ. Позвольте представить эти книги: **«Буддийская традиция в Калмыкии. Западная Монголия – сакральные объекты»** (Москва : Наука – Восточная литература, 2015). Данная монография написана совместно с монгольскими коллегами из Института истории и археологии АН Монголии. Рассматривается буддийская традиция ойратов Монголии и калмыков России, основное внимание уделено монастырям, субурганам (ступам) и другим сакральным объектам, а также анализу буддийских текстов, сохранившихся в монастырях и в личных коллекциях, устной традиции, имевших хождение в среде простых мирян. Следующая книга – **«Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования западных монголов и калмыков»** (Элиста: КалмНЦ РАН, 2016). Коллективная монография освещает вопросы

этнического состава калмыков и ойратов Западной Монголии, статуса языка и особенностей лексики, маркеров этнической культуры и др. Кроме того, рассматриваются вопросы антропологического облика калмыков и ойратов Монголии. Ещё одна книга известного монгольского учёного А. Очира, которая вышла в переводе на русский язык – **«Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов»** (Элиста: КалмНЦ РАН, 2016). На основе широкого круга источников и полевых материалов автор проанализировал происхождение монгольских этнонимов, этнических групп и родов.

Надеюсь, что эти книги будут интересны широкому кругу читателей, а монголоведение как научное востоковедное направление займет достойное место в ряду других востоковедных дисциплин ДВФУ. Я не случайно об этом говорю: именно первым директором Восточного института стал известный монголовед, профессор Алексей Матвеевич Позднеев. За короткий период пребывания на посту директора им сделано немало, на мой взгляд, главное, – Позднееву удалось собрать удивительный состав преподавателей-востоковедов, как уже признанных ученых, так и молодёжь. Одним из них стал Гомбоджаб Цыбикович Цыбиков, достойный ученик А.М. Позднеева. После триумфального путешествия в Тибет он написал своему учителю письмо с просьбой принять на работу в Восточный институт. Цыбиков возглавил кафедру монгольской словесности, преподавал тибетский и монгольский языки. Широко

образованный, энциклопедических знаний Цыбиков увлеченно окупился в атмосферу преподавательской деятельности, студенческой жизни.

Буддист по вероисповеданию, бурят по этнической принадлежности, в возрасте 26-ти лет он сразу после окончания восточного факультета Петербургского университета по решению и на средства Имп. РГО отправился в Тибет, что явилось «прорывным» в истории российской науки. Он стал одним из первых русских ученых, который добрался до Лхасы. Неимоверно трудное, полное неожиданных и опасных ситуаций путешествие произвело фурор в научном мире и принесло ему заслуженное признание. Цыбиков понимал, что проникнуть в эту закрытую страну он мог только как «простой паломник», чему в немалой степени способствовало его вероисповедание и этническая принадлежность. До него никому из предшественников и ни одной экспедиции не удавалось добраться до Лхасы и тщательно исследовать страну. С собой у него был фотоаппарат, который он втайне от своих спутников использовал. Интересно, что примерно в это же время в Лхасу попадает ещё один буддист, калмык по происхождению Овше Норзунов. По просьбе Императорского Русского Географического Общества он трижды посещает Тибет, где ему помогает бурят, учитель Далай-ламы XIII Агван Доржиев. В одной из таких поездок они встретились, и, пряча друг от друга фотоаппараты, тайком делали свои фотографии.

Вот как об этом вспоминает Цыбиков в своей книге «Буддист-паломник у святынь Тибета»: «26 февраля приехал из нашего отечества Агван Доржиев со своими спутниками – бурятами и ставропольским калмыком Овше Норзуновым, который взялся сделать фотографии для Императорского Русского Географического Общества. Он снабжен таким же фотоаппаратом, каким я уже с осени делаю снимки. Чтобы не возбуждать разных толков, я скрываю фотоаппарат от него, как и вообще от всех местных жителей, и не исключая бурят – моих земляков и монголов различных аймаков».

По возвращении из Тибета Цыбиков прочел блестящий доклад, а на первой буддийской выставке были выставлены фотографии Норзунова. Конечно, Русское Географическое Общество не могло не оценить величайший подвиг этих людей: Овше Норзунова наградили Серебряной медалью по отделению этнографии Русского Географического Общества, а Цыбиков удостоился премии им. Пржевальского.

Из этого путешествия Цыбиков привёз, как он сам об этом пишет в своём дневнике, 333 тибетских ксилографа. Главной задачей, которую он сам перед собой поставил, было изучение и приобретение оригинальных тибетских сочинений. Эти сочинения были отпечатаны в монастырях Лхасы и других мест следования по Тибету. В 1902 г. эта коллекция поступила в Русское Географическое Общество, в 1904 г. передана в Азиатский музей, и ныне составляет отдельную коллекцию Тибетского фонда Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге.

Что же привез Гомбоджаб Цыбиков? Прежде всего, значительное количество сумбумов (собрание сочинений) по истории, медицине, грамматике, астрологии и др. Ряд изданий иллюстрирован гравюрами. Обзор приобретенной Цыбиковым коллекции подробно изложен в статье М. И. Воробьевой–Десятовской и Л. С. Савицкого. По их признанию, коллекция Цыбикова отобрана со знанием дела, «тщательно и превосходно».

Результаты путешествия Цыбиков изложил в книге «Буддист-паломник у святынь Тибета» (Пг., 1919), изданной в виде дневников. Его работа содержит подробные сведения об истории страны, религии, населении, политическом устройстве, быте и др. Хотелось бы остановиться на нескольких моментах. Цыбиков детально и обстоятельно описывает монастыри Лхасы и его окрестностей (Гумбум, Лавран, Галдан, Сэра, Брайбун, Дашилхунпо), их деятельность, распорядок жизни монахов. Если сгруппировать заметки путешественника, то вырисовывается стройная система, я не буду касаться административного устройства Тибета, описания столицы, населения, одежды, питания и др. разделов. Во-первых, он кратко излагает биографии

всех тринадцати Далай-лам. При этом некоторые моменты или детали биографии XIII Далай-ламы он узнаёт у местных жителей. На самом деле, расспросы для него были достаточно опасными, но, тем не менее, он находил такие моменты, когда местные жители откровенно рассказывали какие-то подробности из жизни XIII Далай-ламы.

Во-вторых, система обучения и преподавания предметов в тибетских монастырях, которую он описал в своём дневнике, характерна и для хурулов в Калмыкии, и дацанов Бурятии. И калмыки, и буряты строго следовали этой системе обучения. У калмыков, в частности, были созданы две философские школы по тибетскому образцу при содействии известного буряты, который приезжал в Калмыкию несколько раз, – Агвана Доржиева. Но, к сожалению, к 1917 году всё это в Калмыкии было уничтожено, как и сами монастыри.

Следующая крупная работа, на которой я хотела бы остановиться, это, конечно, «Степени пути к святости» (Лам-рим чэн-по) и комментариев к нему. Накануне поездки в Тибет Цыбиков осуществил перевод с монгольского языка данного сочинения и намеревался защитить его в качестве диссертации, что, к сожалению, не осуществилось. В путешествии он продолжал работу над источником, его переводом; сложность, как Цыбиков сам определял, состояла и в том, что приходилось постоянно «сличать с тибетским оригиналом, поскольку разночтения и различия монгольских переводов создавали определенные трудности». Целью своей он видел в «подробном изложении его догматов, в переводе на русский язык [сочинения] не существует. Мне был знаком отзыв профессора Алексея Матвеевича Позднеева, что издание и перевод знаменитого текста может быть почитаемым и не безосновательно». Эти обстоятельства и побудили Цыбикова приступить к изданию монгольского и русского переводов. К сожалению, опубликована только часть задуманного им. Продолжение перевода трактата

Цзонхавы с исследованием буддийской философии так и осталось им незавершённым.

Издание монгольского текста Цыбиков осуществлял в трёх редакциях – Агинского, Чесановского и Пекинского дацанов, но за основу взят агинский вариант под редакцией братьев Данжиновых. Предваряя материал к русскому переводу, автор останавливается на таких вопросах, как история уйгуро-монгольской письменности, тибетского языка и грамматики, большое внимание отводит личности Цзонхавы и его деятельности. Работа Цыбикова по переводу «Лам-рим чэн-по» не прошла бесследно. Последующие поколения буддологов занимались переводом этого трактата с тибетского языка. Первый полный аннотированный перевод на русский язык «Лам-рима» впервые был осуществлён востоковедом М.И. Тубянским во время его пребывания в Монголии, но в связи с гибелью учёного в 1937 году рукопись была утеряна. Начиная с 30-х до 80-х годов XX в. было прервано развитие буддологических исследований. И только в 1980-е годы преподаватель Восточного факультета Ленинградского государственного университета Бронислав Иванович Кузнецов занимался переводом отдельных частей «Лам-рима». В 1993 г. опубликован первый полный перевод Лам-рима (т.1), осуществленного А. Кугявичусом, 2-й том – в 1997 г.

В заключение хотелось бы рассказать об одном случае, случившемся с Цыбиковым. Этот случай описан А. Д. Цендиной в книге «...И страна зовется Тибетом»:

...Однажды, будучи уже пожилым, Гомбоджаб Цыбиков, выйдя из института, поскользнулся и упал. К нему подбежали студенты, пытаясь его поднять, но он, лёжа на спине, остановил их и сказал: «Подождите. Посмотрите лучше на небо. Сколько сегодня звёзд!» Так учитель обратил их внимание, что, помимо всего прочего, на свете есть ещё и другие ценности. И в этом замечании проявилась и его самоирония по отношению к себе.

Таким был этот незаурядный человек.